

Безгина Ольга Анатольевна,
кандидат исторических наук, заведующая кафедрой истории и философии ФГБОУ ВО «Тольяттинский государственный университет», г. Тольятти
bezgina@tltsu.ru

К вопросу о коллективизации и раскулачивании в Ставропольском районе Средневолжского края

Аннотация. В статье раскрывается специфика проведения коллективизации и раскулачивания в Ставропольском районе Средневолжского края. Автор выделяет три этапа в проведении этой кампании, характеризует каждый из них, приводит статистику коллективизации. Показывает неоднозначное отношение крестьян к политике коллективизации. Анализирует эволюцию процессов по лишению прав.

Ключевые слова: крестьянство, кооперация, коллективизация, раскулачивание, лишение прав, колхозы.

Раздел: (03) философия; социология; политология; правоведение; науковедение.

Выдающийся российский экономист и кооператор А.В. Чаянов, размышляя о будущем «строе трудового земледелия», писал, что работа в нем не будет «отделена от творчества организационных форм, в котором свободная личная инициатива дает возможность каждой человеческой личности проявить все возможности своего духовного развития, предоставляя ей в то же время использовать в нужных случаях всю мощь коллективного крупного хозяйства, а также общественных и государственных организаций» [1. С. 185]. Действительность же развивалась гораздо драматичнее, как для самого А. В. Чаянова и многих других выдающихся ученых-экономистов, так и для многих лучших представителей русского крестьянства.

Постепенный переход от добровольной кооперации к коллективизации и в последствии сплошной коллективизации с раскулачиванием был обусловлен результатами изменения генеральной линии ВКП(б). Аграрные преобразования конца 1920-х – начала 1930-х гг. относятся к числу важнейших политических мероприятий советской истории, коренным образом изменивших социально-экономические отношения в деревне. Очень точно суть этих явлений отражена в «Кратком курсе истории ВКП(б)», где коллективизация определяется как «глубочайший революционный переворот, скачок из старого качественного состояния общества в новое качественное состояние, равнозначный по своим последствиям революционному перевороту в октябре 1917 года» [2. С. 291].

Три периода проведения мер коллективизации и раскулачивания похожи на три акта драмы, включающей завязку 1928-1929 гг. когда оставшееся на вершине правительство Сталина вытесняло остатки своих противников и возрождало эффективные чрезвычайные меры военного коммунизма в мирное время. Второй акт – это кульминация, коллективизация становится обязательной и всеобъемлющей, а кулачество уничтожается как класс путём физического уничтожения, выселения в концентрационные лагеря и на окраины. Третий акт – это развязка, когда перенапряжение сельского хозяйства привело к его упадку и Сталину пришлось отказаться от массовых репрессий. Итог этих процессов в сухом остатке – это политическая стабилизация деревни и экономический упадок сельского хозяйства.

В Ставропольском районе Средневолжского края все три этапа нашли своё отражение. Политика советской власти здесь проводилась в основном через исполнительный комитет районного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов и сельские Советы, которые являлись проводниками решений центральных партийных и государственных органов. Эти демократические по своей изначальной идее институты в рассматриваемый период всё более приобретают директивный тоталитарных характер полувоенных организаций. Социальный состав органов местного самоуправления, как правило, был однороден, объединяя наиболее бедные слои деревни.

Организационной формой сельского хозяйства, которая должна была обеспечить выполнения задач советской власти в деревне стали коллективные хозяйства, колхозы. Проблема коллективизации была, по мнению советской власти, главным решением проблемы увеличения урожайности [3. Л. 169]. Отношение к политике коллективизации в деревне было неоднозначным. К примеру, полномочный представитель ОГПУ по Средневолжской области основными противниками коллективизации называет кулацкую и зажиточную часть деревни, а также верующих, которые ведут «массовую контрагитацию», и напротив «бедняцкие и частые середняки к коллективизации отнеслись сочувственно» [3. Д. 29. Л. 57].

Процесс коллективизации на первом этапе в 1928-1929 гг. не форсировался и шёл постепенно. На 5 августа 1929 г. 17% хозяйств коллективизировано, при этом за весеннее-летний период посевная площадь в колхозах увеличилась на 92% [4. Д. 29. Л. 40]. Получается при незначительном росте охвата коллективизацией населения, рост посевных площадей в колхозном секторе шёл очень быстрыми темпами. Однако пленум РИК 5-6 августа 1929 г. отмечает, что отсутствие точных данных учета в колхозах, при полной неясности распределения урожая и др. заработков колхозов порождает нездоровые настроения о выходе из колхоза после уборки урожая и наличие активной борьбы имеющего значительное влияние кулачества с кадрами подкулачников [4. Д. 29. Л. 41,42]. К концу 1929 г. охват коллективизации достиг 2933 хозяйств [4. Д. 29. Л. 41,42].

Второй этап (1930–1931 гг.) начался в Ставропольском районе исполнением линии на сплошную коллективизацию провозглашенного ноябрьским пленумом ЦК ВКП(б), которое выразилось в постановлении президиума райисполкома от 10 января 1930 г. по вопросу «О передаче участковой агросети в колхозсистему». Было постановлено: «Поручить Райзо провести передачу участковой агрономической сети района в колхозсистему в недельный срок» [4. Д. 29. Л. 50]. Для осуществления передачи была создана комиссия. Все мельничные предприятия передали в колхозную систему ещё 24 декабря 1929 г. [4. Д. 29. Л. 89]. Такие решения усиливали колхозы и проводились в русле плана на сплошную коллективизацию к 1931 г.

Таким образом, уже к 20 января 1930 г. было охвачено колхозами 37% [4. Д. 29. Л. 74]. При этом отмечалось, что: «в связи с ростом колхозного движения отстает организованное и агрономическое обслуживание колхозов в результате чего часть вновь организованных колхозов до сих пор не оформлена, учет имущества, организация капитал производится слабо» [4. Д. 29. Л. 75]. Получается организационное оформление колхозов не поспевало за их директивным образованием.

Пленум также посчитал необходимым «посевную площадь ярового клина довести до 64500 га рост 36% в том числе в совхозах 1238 га (на 42,5%), в колхозах до 35475 га (рост на 591,2%). Урожайность повысить по совхозам на 30% по колхозам на 15%. Коллективизировать к 1/XI-30 г. не меньше 55% всего числа кр-ких дворов района и во вновь организующихся колхозах иметь не менее 70% крупных не менее

2000 га» [4. Д. 29. Л. 75]. Следовательно, уже к 1 сентября 1930 г. количество коллективизированных хозяйств должно было почти удвоиться, а площадь яровых посевов должна увеличиться в 7 раз. Отсутствовало руководство колхозов и их организационное оформление. Не было проработанных и реальных производственных планов. «Вступные» и паевые капиталы в большинстве случаев не собирались. Неделимые капиталы не создавались, земля полностью не была обобществлена; с/х инвентарь и рабочий скот не были обобществлены, или же были обобществлены в незначительном проценте; скот продуктивный и корма не обобществлялись и продолжался хищнический убой скота. Отсутствовала подготовка к посевной кампании, правила внутреннего распорядка. Для преодоления этих проблем пленум постановил организовать районное объединение колхозов. На него и возложили все цели и задачи по организации колхозов [4. Д. 29. Л. 78]. 20 апреля 1930 г. передали в колхозы предприятия по первичной обработке [4. Д. 29. Л. 164].

В начале 1930 г. на 3-м съезде Советов ставропольского района утверждалось, что есть «попытки кулака пролезть в колхоз» для того, чтобы «сорвать наше строительство» [4. Д. 77. Л. 5].

Плановые задания подлежали выполнению под угрозой «отказа во всех видах материальной помощи» [4. Д. 29. Л. 94]. Не выполненный к 27 февраля 1930 г. план сбора семян повлек за собой показательный процесс над виновниками проведенный в 48 часов, а остаток плана (около 40%) с привлечением бедняцко-батрацких масс постановили собрать в течении 5 дней [4. Д. 29. Л. 200].

После широкой коллективизации весны 1930 г. к июню наметилась тенденция к выходу из колхозов и требованию возврата паявых взносов, самовольного захвата обобществленного имущества. Президиум Райисполкома объяснял эти явления недостаточным вниманием к массовой работе и наличием классово чуждых элементов в колхозах. Для решения этих задач было постановлено следственным органам «выявить чуждый элемент, занимающийся вредительской работой по разложению колхозов» и организовать показательные судебные процессы [4. Д. 29. Л. 108]. За этим последовали постановления расширенного пленума РИКа 30 сентября 1930г. которые содержали в постановлениях такие тезисы: «к сплошной коллективизации 31 года не подготовились», «абсолютное топтание на месте без движения вперед от достигнутых ранее успехов» [4. Л. Д. 28. Л. 53]. То есть после массовой коллективизации весны 1930 г. дальнейших успехов не последовало.

К концу второго периода коллективизация охватила 90% хозяйств (август 1931 г.) [4. Д. 65. Л. 135]. В третьем периоде происходил характерный для всех регионов спад коллективизации, и процент коллективизации 1932 г. составил 65,6%, но к концу изучаемого периода вырос до 73,5%.

Для пропаганды коллективизации ежегодно в конце осени проводился «день урожая и коллективизации». О реальном воздействии этих мероприятий судить сложно, но в протоколах заседаний президиума РИК констатировались «огромный политический и антирелигиозный подъем основных масс крестьянства, что подтверждает правильность курса правительства» [4. Д. 29. Л. 28].

На протяжении всех 3 периодов происходило увеличение хлебозаготовок и других налогов и сборов, сопровождающихся усилением репрессий в виде конфискации и арестов при их сборе. Все эти тенденции характерны и в масштабах СССР. Динамика темпов коллективизации же в Ставропольском районе обладала некоторой спецификой – отсутствовал характерный для лета 1930 г. массовый выход из колхозов, и та кампания коллективизации осени 1930–1931 г., что в целом по Союзу имела характер возврата утраченных за лето позиций, в изучаемом районе стала дополнительным наступлением

и завершилась достижением к концу 1931 г. цифры в 90% коллективизированных хозяйств. Выход из колхозов произошёл только в 1932 г., когда процент коллективизации упал до 65,6%, однако, по-видимому под влиянием занесения района на «черную доску» в 1933 г., показатель вновь поднялся до 73,5% коллективизированных хозяйств, что вернуло показатели коллективизации в общесоюзную норму.

Одним из основных показателей давления на зажиточную часть деревни служило лишение избирательных прав зажиточного крестьянства и так или иначе провинившихся перед советской властью граждан. Это исключало возможность проведения самостоятельной политики советов местного уровня в интересах развития местного хозяйства, и превращало советскую представительную систему управления в де-факто вертикаль власть для осуществления решений партии. Лишения прав проводились комиссиями Районных исполнительных комитетов, и сельских Советов на местах.

На начало 1928 г. в Ставропольском районе числилось лишенных избирательных прав 583 человека, в числе которых лишенные по следующим причинам: прибегающие к наемному труду с целью извлечения дохода – 34 человека; лиц живущих на нетрудовой доход – 230 человек; частных торговцев и посредников – 209 человек, служащих религиозных культов и монахов – 29 человек, служащих и агентов бывшей полиции – 52 человека, осужденных судом с поражением в правах – 24 человека, умышленных и подопечных – 7 человек [5. Д. 318. Л. 153].

К лицам, лишенным избирательных прав за использование наёмного труда, как правило, относились представители экономически активной часть населения деревни, так как только наиболее успешные хозяйства могли прибегать к найму рабочей силы. Категория лиц, живущих на нетрудовой доход, включала в себя большой спектр людей: от совершеннолетних членов семей, живущих на иждивении своего отца или мужа, лишенных избирательных прав, до хозяев мельниц и торговцев без патента. Так же в эту категорию попадали сторонники бывших врагов советского государства, такие как служащие полиции, белогвардейцы, участники восстаний против советской власти. Впоследствии люди из списков лишенных прав становились первоочередными целями индивидуального обложения сельскохозяйственным налогом и раскулачивания.

При лишении прав часто допускались так называемые «перегибы». В ходе предвыборной кампании 1928 г. в с. Мусорка 22 человека лишили избирательных прав ошибочно. К примеру, как занимающегося торговлей лишили избирательных прав гражданина, который производил скупку скота для кооперации [6. Д. 117. Л. 116]. Ошибочно лишенных прав восстанавливали, если они являлись бедняками или середняками, занимающимися сельским хозяйством без использования наемной рабочей силы, что должно было быть подтверждено сельсоветом и беднотой. При восстановлении в правах мнение сельсовета и бедноты становилось определяющим для дел, где возникали какие-либо сомнения. Лишенные избирательных прав не могли также исполнять обязанности сельского исполнителя. Сельский исполнитель – лицо, обязанное содействовать сельскому Совету и органам милиции в обеспечении общественного порядка. Данная должность замещалась в порядке очередности по решению сельсовета. Лица лишенные избирательных прав вместо замещения должности, при наступлении их очереди платили сбор. Лица, обложенные сельскохозяйственным налогом, платили в 10% от уплачиваемой суммы, но не менее 5 рублей. Обложенные подоходным налогом платили 20% уплачиваемой суммы, но не менее 5 рублей. Если же не обложены были ни тем, ни другим то надлежало заплатить 5 рублей [6. Д. 114. Л. 54].

Если на первом этапе 1928–1929 гг. лишение прав применялось нечасто и «без энтузиазма», то на втором этапе 1930–1931 гг. после провозглашения борьбы за ликвидацию кулачества как класса произошло расширение всех мер давления и репрессий на зажиточную часть деревни, в том числе и в плане расширения количества лиц, лишенных избирательных прав. В результате зимних и весенних мероприятий 1930 г. их количество в Ставропольском районе выросло втрое по сравнению с 1928 г. и составило 1589 человек [6. Д.114. Л. 389] (по другим данным 1605) [4. Д. 76. Л. 277]. При этом райисполком признавал факт, что «имели случаи лишения избирательных прав сельсоветами без соблюдения инструкции» [4. Д. 29. Л. 114].

Продолжались перегибы и в области лишения избирательных прав. Ставропольскому районному исполнительному комитету приходилось справляться с наплывом жалоб на неправильное лишение избирательных прав. 22 мая 1930 г. была утверждена Районная Комиссия по рассмотрению жалоб на неправильное лишение избирательных прав [4. Д.29.Л.173]. На заседаниях этой комиссии 26 августа и 10 сентября 1930 г. было рассмотрено 194 подобных жалоб. По итогам работы комиссии было принято решение по 41 случаю восстановить в правах, а на остальные 153 жалобы ответом стал отказ в восстановлении в правах [6. Д.389.Л.50]. Всего же за время деятельности комиссий по пересмотру лишения избирательных прав с 1 января 1929 по 31 декабря 1930 г. было восстановлено в правах 276 человек. Из которых 133 бедняка и 79 середняков и прочих, Одновременно дополнительно было лишено прав 43 человека [4. Д. 75. Л. 3, 5]. Восстановлению подлежали лишь самые очевидные случаи противозаконного лишения прав. Вернуть права в связи с утратой положения кулака было невозможно. К примеру, жена кулака, как «член семьи кулака», подвергшегося выселению и умершего на выселках, восстановления в правах не получала, несмотря на утрату имущественного положения [6. Д. 390. Л. 50].

Количество людей, лишенных избирательных прав, несмотря на декларируемую политику восстановления несправедливо лишенных прав и выселения 544 кулаков, росло и в начале 1931 г. составило 1858 человек [6. Д. 389. Л. 72–91], что свидетельствует об усилении репрессивной политики в Ставропольском районе на втором этапе. Вместе с тем, интенсивность проведения кампании по лишению прав была различной и зависела иногда от субъективного фактора. Например, представитель ОГПУ тов. Чистов на 3-м Съезде советов Ставропольского района 20 января 1930 г. свидетельствовал: «В с. Т-Выселках много кулаков, но лишенными являются только муллы». То есть, практика лишения зачастую зависела от позиции местного сельского совета по этому вопросу.

В годы третьего периода (1932–1933 гг.) практика лишения избирательных прав не форсировалась и с начала 1931 г. до 1 августа 1933 г. лишению прав в Ставропольском районе подверглись 120 человек [4. Д.100. Л. 273], что было гораздо меньше, чем в предыдущие годы. Это может свидетельствовать о смягчении накала идеологической борьбы в деревне, связанной с достижениями второго периода. Иначе говоря, лишать прав в условиях подавляющего обобществления хозяйств было уже некого.

Важнейшим и наиболее радикальным направлением репрессивной политики советской власти в деревне стало раскулачивание. На первом этапе 1928-1929 гг. раскулачивание заключалось в основном в изъятии имущества и продовольствия по статьям 61 и 107 УК РСФСР. Точных сведений о количестве описанных и проданных хозяйств в Старопольском районе в изученных нами источниках нет, но о размахе этих мероприятий можно судить по приводимым Н. А. Ивницким сведениям о том, что в

Средне-Волжской области только за первую половину 1929 г. за неуплату сельхозналога было описано 6080 хозяйств, 3582 из которых продано [7. С. 14], что привело к тому, что доля кулачества в Средневолжском крае сократилась с 3,5% в 1927 г. до 1,2% в 1929 г. [7.С. 45]. Исходя из того, что в Средне-Волжской области в результате майско-июньской операции ОГПУ 1929 г. было арестовано 1879 человек, меньше половины которых составляли кулаки (37,3%), 623 арестованных являлись середняками и бедняками, а 154 – представителями духовенства [7. С. 30], можно сделать предположение, что эти репрессии имели место и в Ставропольском районе.

На втором этапе 1930–1931 гг. происходило расширение и ужесточение политики раскулачивания согласно постановлению ЦИК и СНК СССР от 1 февраля 1930 г. «О мероприятиях по укреплению социалистического переустройства сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации и по борьбе с кулачеством», которое являлось проекцией постановления Политбюро ЦК ВКП(б) от 30 января 1930 г. «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации» из области партийных решений в область правовых.

В соответствии с этими постановлениями в Ставропольском районе прошла идеологическая подготовка населения, для чего было проведено 37 заседаний сельсоветов, 29 пленумов сельсовета, 11 обсуждений в бюро ячейки партии, 14 собраний ячейки и кандидатских групп, 45 собраний бедноты, 5 батрацких собраний, 19 собраний групп бедноты, 11 собраний женщин, 11 собраний колхозов, 25 общих собраний [6. Д. 389. Л. 29]. Очевидно, что опорой в продвижении решений были административно-партийный аппарат и беднейшие слои населения деревни.

23 января 1930 г. президиум райисполкома постановил с пометкой «не подлежит опубликованию» запретить кулацким хозяйствам переселение и распродажу имущества без разрешения РИКа. В случае обнаружения переселения – полная конфискация имущества сразу, в случае распродажи репрессивные меры вплоть до конфискации. Исполнять Постановление должны были сельсоветы, под наблюдением Уполномоченного РГПУ и органов милиции. Постановление должно было храниться в сельсоветах и опубликованию не подлежало [4. Д. 29. Л. 93]. Таким образом предотвращались попытки зажиточных крестьян избавиться от имущества или уехать и таким образом уйти от репрессий.

В соответствии с постановлением ЦИК и СНК СССР от 1 февраля 1930 г. в Ставропольском районе были подверглись изъятию органами ОГПУ 65 дворов, представлено к выселению 114 дворов, проведена конфискация имущества без выселения в 96 дворах, кулаков, не включенных ни в одну из предыдущих категорий у которых имущество изъято по 61 ст. УК РСФСР – 101 двор. В общей сложности было подвергнуто репрессиям 376 кулацких дворов [6. Д. 389. Л. 33]. В районе на тот момент насчитывалось 9784 двора [6. Д. 389. Л. 33]. Следовательно, в ходе кампании 1930 г. под раскулачивание попало 3,8% крестьянских дворов Ставропольского района. Исходя из того, что в 1929 г. в Средневолжском крае доля кулачества по официальным данным составляла 1,2% [7. С. 45], можно предположить, что раскулачиванию подверглись не только кулаки.

Следует отметить, что перегибы при раскулачивании обнаружили сразу же, поэтому 35 дворов были возвращены середнякам сразу же как «ошибочно раскулаченные» [6. Д. 389. Л. 33]. Только в 11 из 24 сельсоветов конфисковано 59021 рубля 24 копейки [6. Д. 389. Л. 33]. Для сравнения, бюджет района на 1929/1930 г. составил 486 400 рублей [4. Д. 31. Л. 15]. Получается менее половины изъятых в ходе раскулачивания в 1930 г. имущества равны по стоимости 12% районного бюджета, а объем

всего изъятого имущества видимо превышал по стоимости его четверть. В ходе кампании по раскулачиванию список кулаков, подлежащих выселению был расширен до 125 дворов, в которых проживало 536 человек. Количество выселяемых дворов составляет 1,3% от общего числа дворов в районе и соответствует 1,2% официальной доли кулачества по Средневолжскому краю в 1929 г. Выселяемые составляли 32% всех репрессированных в этой кампании. Получается, что не менее 68% репрессированных не считались кулаками в 1929 г., но в 1930 г. подверглись репрессиям. В дальнейшем в списки на выселение уполномоченным ОГПУ добавлены ещё 8 человек [4. Д. 31. Л. 65–66], и число выселяемых достигло 544 человек.

Согласно решению коллегии ОГПУ, которая состоялась 31 января 1930 г. устанавливались ориентировочные сроки начала операции по выселению с 10 февраля 1930 г. – для Северного Кавказа, Нижней и Средней Волги [7. С. 69]. Однако из-за распутицы в Ставропольском районе сроки были перенесены на 5 часов утра 18 марта. В районе был организован районный штаб для проведения раскулачивания. Председатель районного штаба в документе «Маршрут выселения отправки кулаков, подлежащих выселению из сел Ставропольского района» писал: «ещё раз напоминает важность и серьёзность данной операции, работать должны по-боевому, по-военному и по-революционному». Так же райштаб постановил, что выселяемым надлежало «вернуть документы, где отобрали одежду, обувь, домашнюю обувь, продовольствия не менее чем на один месяц выдать при наличии, и денег от 300 до 500 рублей в зависимости от состава семьи у которых отобрали» [6. Д. 389. Л. 53, 54]. Из этого документа видно, что при раскулачивании у крестьян конфисковывали даже одежду и обувь. Формы были настолько жесткими, что районному штабу пришлось специально оговаривать это. После всех репрессий, по данным на 1930 г. в Ставропольском районе насчитывалось 177 кулаков. В том числе семьи кулаков, а также 1 бывший жандарм, 5 сторожников (охранников), 1 урядник, 5 торговцев, 3 осужденных, 1 судимый, 4 служащих религиозного культа, 4 человека занимающихся торговой деятельностью без патента, 1 комендант чапанного восстания, 2 человека под следствием [6. Д. 389. Л. 51].

Кулакам, выселяемым в пределах района, отводились худшие земли в земельных обществах на обособленных или запольных участках [4. Д. 29. Л. 156]. Причём организация этого выселения была не идеальной. В изученных нами документах зафиксированы случаи, когда одни и те же лица, были полностью восстановлены в избирательных правах и при этом были утверждены Окрисполкомом к расселению на запольный или особый кулацкий участок. Такие спорные моменты райисполком передавал на решение сельсоветам с участием бедноты [4. Д. 29. Л. 179]. Для управления этими посёлками выделялись уполномоченные от РИКа и им выдавалось имущество из расчёта на 10 душ 1 дом, 1 лошадь, 1 плуг, 1 борону [4. Д. 29. Л. 223].

В третьем периоде, 1932-1933 гг., характерной чертой становится поиск и выявление в колхозах «кулаков» и «подкулачников». Таковых теперь находили в детях раскулаченных [4. Д. 84. Л. 58].

Жёсткая политика советской власти по эксплуатации деревни неизбежно приводила к сопротивлению. Официально Средневолжская область рапортовала в ЦК ВКП(б) о регистрации в 1928 г. «свыше 2-х десятков кулацких террористических выступлений» под лозунгами «бей коммунистов» [8. Л. 55, 56]. На районном уровне так же были обнаружены свидетельства этому, например, на Расширенном пленуме Ставропольского районного исполнительного комитета в прениях говорилось о том, что: «В Ставрополе кулак выступает против батраков (избили батрака) – чем хотят сорвать хлебозаготовки» [4. Д. 28. Л. 1]. Был ли этот конфликт действительно связан с проти-

водействием хлебозаготовкам, судить трудно. На том же пленуме звучало свидетельство и о том, что «кулак ставит железные заграждения на пути хлебозаготовок» [4. Д. 28. Л. 1]. Что конкретно имелось ввиду в документе не уточняется. Ещё одно свидетельство с того же пленума: «Кулака отдали под суд, а после у него нашли яму с хлебом» [4. Д. 28. Л. 2] позволяет нам сделать вывод о наличии такой формы сопротивления хлебозаготовкам как сокрытие сельскохозяйственной продукции.

В качестве ответной меры пленум районного исполкома постановил: «Отмечая резкое сопротивление кулацко-зажиточной части по району в выполнении заданий по хлебозаготовкам сельсоветам вокруг себя организовать батрачество, бедноту и середняков дав решительный отпор всякому сопротивлению добившись со стороны кулачества 100% сдачи излишков в пределах к/цифры не останавливаясь и принятие самых репрессивных мер» [4. Д. 28. Л. 3]. Такое решение отражает в целом тенденции на ужесточение репрессивных мер к концу первого периода, что являлось, по сути, предтечей коренного перелома второго периода.

В изученных нами материалах отмечены свидетельства о таких формах сопротивления коллективизации как выход из колхоза и «активная борьба имеющего значительное влияние кулачества с кадрами подкулачников» [4. Д. 28. Л. 41, 42]. В чём именно заключалась данная «активная борьба» нам неизвестно, но показателен факт её наличия уже на первом этапе. Ещё одна форма сопротивления коллективизации создание «лже-колхозов» [4. Д. 29. Л. 36]. По-видимому, эта форма сопротивления предусматривала формальное создание колхоза при сохранение фактического единоличного хозяйства. В постановлениях расширенного Пленума Ставропольского Районного Исполнительного Комитета, принятые в заседании 20-22/1 – 1930 г. присутствует свидетельство, что «имела места сброска скота перед вступлением в колхоз», «продолжается хищнический убой скота» [4. Д. 29. Л. 78], что иллюстрирует ещё одну форму сопротивления коллективизации сброска или забой скота перед вступлением в колхоз. Это вызвано тем, что после вступления в колхоз скот обобществлялся и крестьянам было выгоднее получить хоть какую-то последнюю выгоду для себя чем отдавать всё в колхоз безвозмездно.

Отдельным способом сопротивления стало хищение обобществлённого имущества, например семян из общественных амбаров [4. Д. 29. Л. 76].

Сопротивление так же проявлялось и со стороны избранных на местах сельских советов. Они сопротивлялись «мероприятиям правительства по ликвидации кулака как класса», за что, к примеру, был снят с должности и отдан под суд председатель сельского совета. Русской Борковки [4. Д. 29. Л. 96]. Представитель ОГПУ тов. Чистов на III съезде Советов Ставропольского района свидетельствовал, что сельские советы скрывают кулаков, выдают им справку, «что он бедняк, революционер» [4. Д. 77. Л. 11].

На втором этапе, 1930–1931 гг., происходило усиление нажима на деревню, и соответственно, росла и сила противодействия. 21 марта 1930 г. Ставропольский райисполком констатировал: «В связи с проведением мероприятий ликвидации кулачества как класса, классовая борьба в деревне в данный момент приобретает особенно острые формы (террористические акты, поджоги и т. д.)» [4. Д. 29. Л. 135]. При вступлении в колхозы крестьяне скрывали наличие имущества [4. Д. 77. Л. 24]. Также как следствие массовой коллективизации и обобществления весны 1930 г. к лету того же года начались выход населения из колхозов и самовольный захват обобществлённого имущества, что естественно повлекло за собой реакцию со стороны Райисполкома в виде показательных судебных процессов над «чуждыми элементами» [4. Д. 29. Л. 200].

Ввиду расширения налогового гнёта особой формой сопротивления становилось сокрытие необобществлённых объектов обложения у индивидуальных крестьянских хозяйств. Для борьбы с этой формой сопротивления Райисполком принял инструкцию и постановил организовать работу по выявлению скрытых объектов обложения. Причём работы по выявлению не велись или велись слабо [4. Д.30.Л.92]. Возможно отсутствие рвения было связано с личной заинтересованностью членов сельсоветов, либо же с сочувствием оных к лицам, укрывающим часть своих доходов. Хотя, конечно, учитывая специфику формирования сельских советов, всё это могло объясняться и банальной халатностью в исполнении директив вышестоящих инстанций. Но всё же работы велись и контрольный обмер озимых посевов 6 ноября 1930 г. выявил 531,37 га укрытых посевов [4. Д. 64. Л. 24].

Расширение к третьему периоду (1932-1933 гг.) таких форм сопротивления советской политики как хищение колхозного имущества и выход из колхозов было решено радикально. Постановления ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 года «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности», принятые по инициативе И.В. Сталина, приравнивали имущество колхозов к государственному имуществу (в том числе зерно на полях). За его хищение предусматривалось применение «высшей меры социальной защиты – расстрел». Агитация за выход из колхоза стала классифицироваться как государственное преступление с наказанием от 5 до 10 лет лишения свободы. Причём, амнистия по данным делам не применялась [9].

Таким образом, в Ставропольском районе Средневолжского края период коллективизации и раскулачивания стал трагическим периодом. Район, ставший эпицентром тяжелейшего голода в 1921–1923 гг. и не вполне восстановивший утратившие ресурсы, был подвергнут новому тяжелому испытанию. Начиная с 1928 г. государство начало применять против крестьян два основных метода репрессивного воздействия – лишение избирательных прав и раскулачивание. Первый из них был направлен на то, чтобы отсечь все потенциально антисоветские элементы от местных органов власти, и, одновременно создать своеобразный «актив», для дальнейших репрессий в отношении этих элементов. На первом этапе, в 1928–1929 гг., количество лишённых избирательных прав росло, в соответствии с усиливающимся нажимом хлебозаготовок, обусловленных индустриализацией. Раскулачивание на первом этапе сводилось к описям и изъятию для продажи за долги по налогам и сборам имущества крестьянства. Причём наиболее зажиточные хозяйство облагались налогом индивидуально.

На втором этапе, в 1930–1931 гг., в соответствии с партийной и государственной установкой на «сплошную коллективизацию» и «ликвидацию кулака как класса», мера лишения избирательных прав применялась всё чаще, и к 1931 г. количество «лишенцев» более чем утроилось по отношению к аналогичному показателю 1928 г. На второй этап приходится пик репрессивной политики, появляется собственно раскулачивание, то есть отчуждение имущества у зажиточной части населения, исходя из их имущественного положения и классовой принадлежности, причём не было четко определено, по каким критериям следует относить того или иного крестьянина к кулачеству. Одновременно происходило выселение за пределы Средневолжского края некоторой части особо опасных, с точки зрения советской власти, кулаков.

Репрессивная политика в Ставропольском крае начала набирать силу вместе с проведением чрезвычайных хлебозаготовок 1928–1929 г., принятием курса на коллективизацию и ликвидацию кулачества как класса в начале 1930 г., к 1931 г. достигла своей наивысшей точки. Специфичным и нехарактерным представляется то, что в

изученных документах нет никаких упоминаний о массовых репрессиях в годы третьего периода 1932–1933 гг., что вызвано, по-видимому, тем, что подобные документы этого периода не отложились в изученных архивах. Однако, возможны и иные причины данного факта. Сопротивление населения реформам и репрессиям, судя по изученным документам, проходило преимущественно в форме пассивного сопротивления. Если в документах первого периода ещё встречаются упоминания об активном сопротивлении, то на втором они отсутствуют, что противоречит общим тенденциям, в русле которых пик открытого сопротивления приходится именно на 1930 г. Также не встречено никаких упоминаний о голоде или нехватке продовольствия.

Ссылки на источники

1. Чаянов А. В. Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии // Чаянов А. В. Венецианское зеркало: повести. – М.: Современник, 1989.
2. История ВКП(б): краткий курс. – М., 1997.
3. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). – Ф. Р.779. Оп. 2. – Д. 5. – Л. 169.
4. Тольяттинский городской архив. – Ф Р-19. – Оп. 4.
5. Тольяттинский городской архив. – Ф Р-225. – Оп. 1. – Д. 318.
6. Тольяттинский городской архив. – Ф Р-81. – Оп. 1.
7. Ивницкий Н. А. Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса. – М.: Наука, 1972.
8. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). – Ф. 665. Оп. 1. – Д.1.
9. Большевицкая трибуна. – 1932. – № 97(197).

Olga Bezgina,

Candidate of Historical Sciences, head of the Department of history and philosophy, Togliatti State University, Togliatti

bezgina@tltu.ru

The question of collectivization and dispossession in the Stavropol district of the Middle Volga region

Abstract. The article reveals the specificity of collectivization and dispossession in the Stavropol district of the Middle Volga region. The author distinguishes three stages in the campaign, characterizes each of them, gives statistics of collectivization. Shows the ambiguous attitude of the peasants to the policy of collectivization. Analyzes the evolution of the process for deprivation of rights.

Key words: farmers, cooperatives, collectivization, dispossession, disenfranchisement, collective farms.

Рекомендовано к публикации:

Горевым П. М., кандидатом педагогических наук, главным редактором журнала «Концепт»

Поступила в редакцию <i>Received</i>	07.06.17	Получена положительная рецензия <i>Received a positive review</i>	13.06.17
Принята к публикации <i>Accepted for publication</i>	13.06.17	Опубликована <i>Published</i>	20.06.17

www.e-koncept.ru

© Концепт, научно-методический электронный журнал, 2017

© Безгина О. А., 2017